

УДК 340.13

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045>

**ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ ПРАВА И РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

В. В. Денисенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу различных аспектов категории «коммуникация» применительно к правовой науке. Правовая коммуникация раскрывается в аспекте типа правопонимания, характеристики правотворчества и реализации права. Дается обоснование важности коммуникации в условиях модернизации и цифровизации правовой системы.*

Ключевые слова: *правовая коммуникация, сущность права, коммуникативная теория права, правопонимание, коммуникативная теория права, нормативизм, естественное право, философия права, медиация, формальное равенство.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of various aspects of the category "communication" in relation to legal science. Legal communication is revealed in the aspect of the type of legal understanding, the characteristics of law-making and the implementation of law. The substantiation of the importance of communication in the conditions of modernization and digitalization of the legal system is given.*

Key words: *legal communication, essence of law, communicative theory of law, legal understanding, communicative theory of law, normativism, natural law, philosophy of law, mediation, formal equality.*

Категория «коммуникация» является одной из самых распространенных и популярных в современной отечественной юриспруденции. Раскрывая содержание и значение коммуникации применительно к правовой науке, следует первоначально обозначить различные аспекты понимания указанной категории. Как пишет бельгийский правовед Марк Ван Хук: «Понятие «коммуникация», плохо это или хорошо, является понятием полисемичным»¹. По нашему мнению, в современной российской науке коммуникация как категория наполняется тремя разными смыслами применительно к праву. Прежде всего, коммуникация используется применительно к вопросам цифровизации права. В данном случае коммуникация рассматривается в кибернетическом понимании как передача информации внутри систем. В таком аспекте коммуникацию, применительно к праву, одним из первых стал анализировать немецкий социолог права Никлас Луман, который является автором теории «аутопоэсиса в

---

¹ Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 20–21.

праве»². Второй аспект коммуникации связан пониманием гражданина навыков языка и владением им для осуществления профессиональной деятельности, что имеет значение, в частности, при получении гражданства иностранным гражданином и для разрешения на трудоустройство. Данный аспект обозначается как «коммуникативная компетентность»³ личности. Третий аспект понимания категории коммуникации связан с анализом сущности права и формированием в настоящее время научной школы понимания сущности права. В зарубежной литературе правовая теория на основе коммуникативного понимания права связана с именами Н. Лумана и Г. Тойбнера⁴, сторонников системного подхода и Ю. Хабермаса⁵, автора дискурсивно-коммуникативной концепции. Отечественная юриспруденция также имеет представителей коммуникативного понимания права, наиболее известным из которых, безусловно, является автор коммуникативной теории права А. В. Поляков⁶.

В настоящей статье будет раскрыт именно последний аспект категории «коммуникация», так как именно с подобных позиций представляется возможным обосновать закрепление в отечественной системе права медиативных процедур, связанных с равенством субъектов в правоотношении, а также с правами человека. Коммуникативное понимание раскрывает феномен сущности права с иных методологических оснований как присущий советскому правопониманию нормативный тип правового мышления. А. В. Поляков, рассуждая о нормативности правовой коммуникации пишет: «Право в таком коммуникативном ракурсе представляет собой не изолированную сущность – абстрактную метафизическую идею (например, общего блага), априорную ценность (например, равенство, свободу или справедливость), текстуальное предписание, за которым стоит чья-то «воля» (например, закон), а предстает как «живое» (целостное, синтетическое, интегральное, процессуальное, развивающееся) социальное явление, включающее в себя и разум, и ценности, и нормативность, и текстуальность»⁷. Отечественное правопонимание, сложившееся в советский период, сформировалось в 30-е гг. XX в. под влиянием А. Е. Вышинского и вошло в историю как узконормативный подход к праву или «советский легизм» (термин В. С. Нерсисянца). Методологической основой такого подхода была социологическая концепция Карла Маркса.

---

² См. подробнее: *Денисенко В. В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

³ *Парфенов А. А.* О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 1–13.

⁴ См.: *Luhmann N.* Sociological Theory of Law. London, 1985. 436 p.

⁵ См.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a/M., 1997. Bd. 2.

⁶ См.: *Поляков А. В.* Общая теория права : проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004.

⁷ *Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 32.

Такой подход рассматривал общество с позиции экономики, сводя все общественные отношения к труду. Социологическая теория этого периода принимает в расчет прежде всего ту деятельность субъектов, которая связана с производством и обменом (и то и другое предполагается достаточно рациональным), а концепции, например, 60-х и, тем более, 70-х гг. XX в. смещают акценты в сторону потребления (откуда поведенческая рациональность, конечно, видна не так отчетливо). Постепенно к ученым приходит осознание невозможности раскрыть суть общественных явлений с позиций классической (органицистско-объективистской) установки в силу радикальных социальных изменений. В этот период на смену «трудовому», индустриальному обществу приходит посттрудовое, информационное общество. Данный период исторического развития называют обществом позднего модерна или постмодерна⁸. Такое общество рассматривается как принципиально новый этап социально-экономического развития, так как изменяется характер труда и вся система производства благ. Как указывал, ссылаясь на социологические исследования, Ж.-Ф. Лиотар в 1979 г., «известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах»⁹. В этом новом обществе в качестве главного фактора выступает уже информация, а не труд. Ю. Хабермас в работе «Теория коммуникативного действия» пишет, что в развитых западных обществах в последние десятилетия возникли социальные конфликты, которые существенно отличаются от традиционных для капитализма конфликтов, связанных с распределением экономических благ. Они формируются уже не в области материального воспроизводства и не катализируются политическими партиями; скорее они возникают в областях культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации и развертываются в доинституциональных формах. В них реально отражается овеществление коммуникативно структурированных областей действия: «новые конфликты вспыхивают не в области проблем распределения, а в связи с вопросами грамматики форм жизни»¹⁰. В связи с обострением противоречий, влияющих на право, встает вопрос о методологии их исследования. Как было сказано выше, традиционно для научного анализа права отечественная теория государства и права использовала материалистическую диалектику и ее законы. Безусловно, для анализа правовой сферы современного общества необходима иная методология, не только потому что не все противоречия в обществе носят экономический характер, но и потому что, на наш взгляд, сама диалектика не может рассматриваться как единственно верный научный метод, способный оказать помощь в исследовании общества и правовой

⁸ В последние два десятилетия современное постиндустриальное общество часто называют именно обществом позднего модерна (см.: *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 130).

⁹ *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 18–20.

¹⁰ Цит. по: *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С. 162.

системы. Материалистическая диалектика как философская концепция претендует на объективно-метафизическую значимость, если использовать терминологию немецкого философа К.-О. Апеля¹¹. Однако происходящее из Нового времени, эпохи Декарта и Бэкона, сведение всех видов деятельности к труду не было характерно для всех эпох, в частности для Античности и Средневекового христианства. Речь и поступки человека не сводились к трудовой деятельности в работах философов древней Греции, так как труд и созидание понимались как деятельность рабов (чистое знание, например, Аристотель ставит выше практического искусства). Христианство также не ставило активную трудовую деятельность во главе ценностей, и лишь протестантская этика начинает понимать работу как высшую задачу человека на земле. Мыслители Нового времени (Джон Локк, Адам Смит) стали сторонниками превосходства труда над другой деятельностью, так как труд стал пониматься как источник собственности, богатства. Дальнейшая абсолютизация труда как ценности связана с политической экономией К. Маркса, который рассматривал политику в качестве надстройки по отношению к базису, роль которого играют производственные отношения¹².

Перспективной социально-философской методологией, на наш взгляд, может служить теория коммуникативного действия (коммуникативно-дискурсивная теория), разработанная Юргеном Хабермасом. Это довольно примечательный мыслитель: факты социальной жизни он рассматривает сквозь призму лингвистических концептов. Тут следует пояснить, что во второй половине XX в. формируется новая парадигма мышления, которую можно назвать лингвистической¹³. Слово здесь не понимается как средство выражения результатов мышления, мышление и использование языка трактуются как совпадающие процессы (и второй процесс для исследователя общества обретает большую значимость). Поэтому происходит смена философии «чистого» (единственного) субъекта философией intersubjectивности¹⁴. Представители герменевтики, например Гадамер, обосновывают культурную и историческую обусловленность разума. Основу лингвистической парадигмы заложили исследования Дж. Л. Остина и Дж. Л. Серля, отчасти и Э. Гуссерля, и позднего Л. Витгенштейна. Джон Остин в работе «Слово как действие» впервые в философии рассматривает речь не как средство передачи информации, а в качестве действия, изменяющего состояние внешнего мира. Речь как действие изменяет мир, но не физический, а социальный. Язык воздействует на социальные межличностные отношения, изменяя социальные, в том числе юридические, факты. До Остина философы считали, что речь человека служит для описания явлений, действий. Между тем есть вы-

---

¹¹ См.: *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 219.

¹² См.: *Бусова Н. А.* Модернизация, рациональность, право. Харьков, 2004. С. 68.

¹³ См.: *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 26–27.

¹⁴ Интерсубъективность – термин, введенный в научный оборот Э. Гуссерлем.

сказывания, не описывающие события, а осуществляющие действия. Такие высказывания Дж. Остин называет перформативными, они могут характеризоваться как удачные либо неудачные (устная сделка, обещание). Но если исследовать не построение предложений, а ситуации общения, то все слова являются действиями. Теория речевых актов была положена в основу теории коммуникативного действия, разработанной Юргеном Хабермасом¹⁵. Поступок и речь нельзя свести, по мнению Хабермаса, к деятельности, направленной на достижение цели, например к трудовой деятельности. Помимо целерациональной работы существуют коммуникативные действия, связанные речевыми актами и взаимным ожиданием: «Под «работой» или целерациональными действиями я понимаю либо инструментальное действие, либо рациональный выбор, либо их сочетание. Инструментальное действие руководствуется техническими правилами, основанными на эмпирическом знании. ... Под «взаимодействием», с другой стороны, я понимаю коммуникативное действие, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими консенсуальными нормами, которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами. В то время как значимость технических правил и стратегий зависит от значимости эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значимость социальных норм основана только на интересубъективности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств»¹⁶. Коммуникативное взаимодействие регулируется социальными нормами, которые нельзя считать производными от трудовой деятельности. Исторические изменения общества с точки зрения коммуникативной теории следует рассматривать как два не сводимых друг к другу процесса: изменение целерациональной деятельности и развитие форм коммуникативного взаимодействия. Современное социальное государство активно регулирует экономику правом, которое уже не является производным надстроечным явлением (точнее, производность права не обладает удовлетворительным объясняющим потенциалом). Поэтому схема «базис и надстройка» не отражает всех причин общественных изменений, противоречий, возникающих в праве. Становится очевидным, что не только и не столько экономические интересы порождают эти противоречия. Ю. Хабермас в работе 1992 г. «Фактичность и значимость» (*Between Facts and Norms*) пишет, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений, должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, т. е. принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, т. е. легитимность¹⁷.

¹⁵ См.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Suhrkamp, Frankfurt a/M., 1981.

¹⁶ *Habermas J. Technology and Science as «Ideology»*. London, 1971. P. 91–93.

¹⁷ См.: *Habermas J. Between Facts and Norms*. Cambridge, 1996. P. 136.

Актуальность понимания права с позиции теории коммуникативного действия возросла в настоящее время в условиях расширения предмета правового регулирования, увеличения числа и специализации законов и иных источников права. Расширение сферы правового регулирования является одним из популярных тем в зарубежной науке. Указанный процесс в отечественной и зарубежной литературе обозначается различными категориями, например «правовой взрыв», «правовое наводнение» и др.¹⁸ Наиболее удачным из них для определения процесса увеличения сферы правовых отношений является термин «юридификация»¹⁹. Являясь неизбежным спутником социального развития, юридификация общества влечет как позитивные, так и негативные последствия. Во-первых, позитивный аспект связан с выполнением государством социальной функции, что является необходимым условием для снятия остроты экономических общественных противоречий. Однако расширение предмета правового регулирования и детальная юридическая регламентация поведения граждан в так называемых государствах «всеобщего благоденствия» во второй половине XX в. привело и к негативным последствиям. В качестве таковых следует указать уменьшение эффективности права, несмотря на его количественное увеличение, а также избыток позитивного права, что вызывает чисто технические сложности регулирования. С позиции коммуникативного подхода негативные последствия юридификации общества связаны с преобладанием целерациональных действий над коммуникативными, следствием вторжения «системы в жизненный мир»²⁰, но преодоление общественных патологий возможно при помощи позитивного права. С точки зрения теории коммуникативной рациональности право должно рассматриваться не только как инструмент или механизм достижения цели, но и как процедура достижения взаимопонимания между субъектами, процесс поддержания коммуникативных связей, достижения консенсуса²¹.

В случае, когда позитивное право замещает социальные связи, а не поддерживает их, развиваются социальные патологии, поэтому помимо инструментального назначения в современном обществе право должно выполнять также коммуникативную роль. Устранение негативных последствий правовой модернизации возможно лишь, когда на основе коммуникативного понимания права будут функционировать процедуры, необходимые для поддержания коммуникативных связей в обществе между субъектами права.

Как указывает Ю. Хабермас в ряде своих работ, прежде всего в главной работе, посвященной праву, – «Фактичность и значимость» (*Faktizität*

¹⁸ См.: *Беляев М. А.* Модель развития права : от «эволюции» к «взрыву» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2016. № 3. С. 9–20.

¹⁹ Такой термин использует в частности Ю. Хабермас.

²⁰ См.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1997. P. 54.

²¹ См.: *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, 1996. P. 147.

und Geltung), позитивное право должно сочетать в себе одновременно два указанных в заглавии книги качества, фактичность – это аспект, связанный с принудительным характером правовых норм, значимость – это моральная обоснованность права, человек должен исполнять закон в случае легитимности правовых норм. Если позитивное право сводится лишь к «фактичности» в сфере коммуникативных взаимодействий, то такое целерациональное, инструментальное воздействие неизбежно приводит к таким негативным последствиям, как потеря легитимности, формализм права. Социальные нормы в сфере, не регулируемой правом, действуют на основе «значимости», т. е. легитимности, обоснованной моральными ценностями. Поэтому право должно не заменять принудительностью легитимность, а поддерживать коммуникативные общественные связи (способствовать социальной интеграции), что необходимо для предотвращения патологии общественного развития. В частности, должны использоваться процедуры посредничества или медиации и иные средства, направленные на участие в принятии решения в процессе применения права самих граждан, а не профессионалов. Так как право в современном обществе заменяет другие социальные нормы, то оно должно помимо принуждения содержать коммуникативные процедуры, на которых строились отношения в период до правового регулирования данных отношений. Данные процедуры обозначаются как «делиберативные». Принцип делиберативности позволяет в рамках юриспруденции раскрыть необходимость наличия юридического равенства, народовластия и процедур, их обеспечивающих. Первым, кто ввел в широкий научный оборот категорию «делиберативная демократия», был Дж. Дьюи, который писал: «Правило большинства как таковое столь глупо, сколь это приписывают ему с самого начала его критики. Но оно никогда не было *только* правилом большинства... Средства, посредством которых большинство становится большинством, – вещь более важная: предшествующие дебаты, модификация взглядов при встрече с мнениями меньшинств... Другими словами, существенная необходимость демократии заключается в улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений»²². Помимо парламентских обсуждений, демократическое участие, безусловно, должно дополняться самыми широкими демократическими консенсуальными процедурами²³. Причем речь идет не только о референдуме как инструменте прямой демократии, а о постоянной процедуре взаимодействия государства и гражданского общества. В частности, наиболее эффективной разновидностью делиберативной демократии являются алеаторные процедуры при принятии публично-правовых решений. Суть последних

---

²² Dewey J. The Public and its Problems. Chicago, 1954. P. 207.

²³ О понимании консенсуса в правовой и политической системе см.: Варламова Н. В., Пахоленко Н. В. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.

заключается в обсуждении законопроектов представителей народа, избранных по жребию²⁴.

Коммуникативное понимание сущности права представляется наиболее адекватной методологией, так же как и для понимания природы медиативных правоотношений. После законодательного закрепления альтернативных способов разрешения споров в России вопросы восстановительного судопроизводства, посредничества, примирительных процедур²⁵ стали объектом многочисленных публикаций в отечественной науке. Однако при этом существует огромный пробел в обосновании медиации с позиций теории государства и права. Причина очевидна и заключается в невозможности объяснить необходимость участия граждан в судопроизводстве и в правовой системе в целом, с позиции юридического позитивизма. Понимание действия права с позиций юридического этатизма модель права как инструмента или «механизма» государственной власти предполагает всевластие государства, которое и является источником права, и исключение граждан из равных условий с властью. Философия права, которая способна объяснить природу медиации, ее необходимость и значение, должна быть способной объяснить потребность современной правовой системы в участии и дискурсах юридически равных граждан. Поэтому проблемы отечественных теоретиков права в их неспособности обосновать актуальные проблемы медиации на уровне общей теории права, связаны с юридическим позитивизмом. Так как медиация – это равенство граждан и их демократическое участие в применении права, то и теория права, объясняющая современную действительность, связанную с медиацией, может быть лишь антипозитивистской.

Таким образом, лишь основанная на признании формального равенства и потребности в обществе на участие граждан в праве юридическая теория способна объяснить развитие консенсуальных процедур.

В зарубежной философии права юридическое равенство и необходимость в современной исторической период консенсуальных процедур обосновано в коммуникативной теории Ю. Хабермаса и идеях делиберативной демократии. Причины участия граждан в применении права, природу медиации с позиции коммуникативной теории обосновывает в своих работах ученик Ю. Хабермаса, немецкий философ Аксель Хоннет. Он убедительно пишет, что необходимость участия граждан обусловлена потребностью личности в признании, а также рядом неизбежных проблем, связанных с делегированием своей воли представителям. Потребность в широком демократическом участии граждан в формировании и применении права связана и с феноменом современного общества. Современное общество, т. е. общество Модерна, связано помимо прочего и

---

²⁴ См.: *Денисенко В. В.* Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // *Юридические формы переживания истории : практики и пределы.* СПб., 2020. С. 301–310.

²⁵ См.: *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 68.

с индустриальной экономикой, которая неизбежно ослабляет традиционные связи в обществе. Еще Макс Вебер указывал на феномен «потери смысла» и свободы для отдельной личности с развитием Западного рационализма²⁶. Невозможность идентифицировать себя в современном обществе с каким-либо сословием или группой приводит к одиночеству и отчуждению, но при этом возникает потребность в новых формах солидарности. Если в традиционном обществе иррациональное право легитимировалось религиозными и иными сверхъестественными авторитетами, то переход к рациональному, утилитарному праву в индустриальном обществе Модерна приводит к разрушению связей права с этическими критериями (например, отход от протестантской этики на Западе), и в этих условиях право требует демократического участия для обеспечения авторитета закона. Обоснование медиации с позиции коммуникативной теории права позволяет рассматривать эти процедуры не как случайное или чуждое заимствование из иностранного права, а как неизбежный результат развития современного общества и государства, как реализацию потребности личности в правовой системе²⁷.

В заключение можно сказать, что коммуникация как концепция сущности права и методология для отраслевых исследований является той парадигмой правового мышления, которая отражает тенденции развития современного государства и общества. Использование коммуникативного понимания права позволит обеспечить эффективность и легитимность правотворчества и правоприменения в отечественной правовой системе.

Библиографический список

- Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 219.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 130.
- Беляев М. А.* Модель развития права : от «эволюции» к «взрыву» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2016. № 3. С. 9–20.
- Бусова Н. А.* Модернизация, рациональность, право. Харьков, 2004.
- Ван Хук М.* Право как коммуникация. СПб., 2012.
- Варламова Н. В., Пахоленко Н. В.* Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990.
- Денисенко В. В.* Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // Юридические формы переживания истории : практики и пределы. СПб., 2020. С. 301–310.
- Денисенко В. В.* Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.

²⁶ См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. С. 206–230.

²⁷ См.: *Денисенко В. В.* Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.

- Денисенко В. В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.
- Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.
- Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 26–27.
- Парфенов А. А.* О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 1–13.
- Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений // Правоведение. 2011. № 5. С. 32.
- Поляков А. В.* Общая теория права : проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004. 864 с.
- Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.
- Dewey J.* The Public and its Problems. Chicago, 1954.
- Luhmann N.* Sociological Theory of Law. London : Routledge & Kegan Paul, 1985. 436 p.
- Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, 1996.
- Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1997.

References

- Apel K.-O.* Transformation of philosophy. M., 2001. P. 219.
- Bauman Z.* Individualized society. M., 2002. P. 130.
- Belyaev M.A.* Model of development of law: from "evolution" to "explosion" // Vestn. Russian. Peoples' Friendship University. Ser. Legal sciences. 2016. № 3. P. 9–20.
- Busova N. A.* Modernization, rationality, law. Kharkiv, 2004.
- Van Hook M.* Law as communication. St. Petersburg, 2012.
- Vartlamova N. V., Pakholenko N. V.* Between unanimity and the will of the majority (political and legal aspects of consensus). M., 1997.
- Weber M.* Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. M., 1990.
- Denisenko V. V.* Aleatory democracy and the problem of simulacra in the legal system // Legal forms of experiencing history: practices and limits. St. Petersburg, 2020. P. 301–310.
- Denisenko V. V.* Mediation in public and private law and its necessity from the perspective of modern theories of legal understanding // Justice of the Peace. 2015. № 8. P. 15–20.
- Denisenko V. V.* Yuridification of society and concepts of legal regulation // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2008. № 2 (5). P. 56–62.
- Liотar J. F.* The State of Postmodernity. St. Petersburg, 1998.
- Nosyreva E. I.* Alternative resolution of civil law disputes in the USA: dis. ... D. jurid. sciences'. Voronezh, 2001.
- Austin J. L.* Word as action // New in foreign linguistics. M., 1986. Issue 17: Theory of speech acts. P. 26–27.
- Parfenov A. A.* On legal communicative competence // Law and Politics. 2019. № 2. P. 1–13.

Polyakov A. V. Normativity of legal communication // *Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence.* 2011. № 5. P. 32.

Polyakov A. V. General theory of law: Problems of interpretation in the context of a communicative approach: A course of lectures. St. Petersburg, 2004. 864 p.

Furs V. N. Philosophy of Unfinished Art Nouveau by Jurgen Habermas. Minsk, 2000.

Dewey J. The Public and its Problems. Chicago, 1954.

Luhmann N. Sociological Theory of Law / N. Luhmann. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 436 p.

Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge, 1996.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1997.

Для цитирования:

Денисенко В. В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.* 2022. № 1 (48). С. 311–321. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045>

Recommended citation:

Denisenko V. V. Legal communication: theory of law and implementation in legal relations // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law.* 2022. № 1 (48). P. 311–321. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045>

Воронежский государственный университет

Денисенко В. В., доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: vsu_vlad@mail.ru

Voronezh State University

Denisenko V. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: vsu_vlad@mail.ru